

ЛАНА РОКОШЕВСКАЯ

ВЕНГЕРСКАЯ
РОЗА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛЮБОВНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Лана Рокошевская

Венгерская роза

«Автор»

2026

Рокошевская Л.

Венгерская роза / Л. Рокошевская — «Автор», 2026

Австрийская империя, 1809 год. Пока армии Наполеона перекраивают Европу, молодая венгерская графиня Илона Варгаи оказывается в центре заговора, способного погубить её род. После гибели отца ей остаётся гранатовая брошь в форме розы, старые долги и предупреждение: опасаться человека, который никогда не повышает голос. За таинственным украшением охотятся придворные, военные и могущественный барон, предлагающий Илоне спасти поместье ценой брака. Единственным союзником становится гусар Леопольд фон Роттенбург. Но прошлое связало их семьи кровью и предательством, а найденные документы обвиняют отца Илоны в гибели отца Леопольда. От дымных полей Венгрии до роскошных залов Вены им предстоит распутать тайну двух семей, пережить измену и решить, можно ли доверить сердце человеку, у которого есть все причины тебя ненавидеть. «Венгерская Роза» – исторический любовно-приключенческий роман о женщине, которая отказывается быть разменной монетой в мужской игре.

© Рокошевская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. РОЗА В ДЫМУ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ НАД ДУНАЕМ	8
ГЛАВА 1. ДОМ С ЧАСОВНЕЙ	8
ГЛАВА 2. ГУСАР НА ЧЁРНОМ КОНЕ	11
ГЛАВА 3. ВЕНА ЖДЁТ ПУШЕК	14
ГЛАВА 4. КОГДА ПАДАЮТ ВОРОТА	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лана Рокошевская

Венгерская роза

ВЕНГЕРСКАЯ РОЗА

Исторический любовно-приключенческий роман

Австрийская империя и Венгерское королевство, 1809–1815

Империи заключают мир на бумаге. Сердце узнаёт о мире последним.

* * *

ПРОЛОГ. РОЗА В ДЫМУ

Накануне боя Илона ещё не понимала, что такое поражение. Ей казалось, поражение означает отступление армии, потерю города, смену флагов над крепостью. На равнине у Рааба она увидела другое: молодой офицер полз к канаве, прижимая к животу обе руки; крестьянин искал в разбитом обозе единственную лошадь, потому что без неё его дети останутся без хлеба; французский солдат делился водой с венгром, которого через час мог снова попытаться убить. Поражение не имело одного лица. Оно состояло из сотен маленьких концов света.

Каталин догнала хозяйку у перевёрнутой санитарной повозки. Внутри лежали бинты, хирургические пилы и два мёртвых фельдшера. Служанка вытащила рулон корпии и обмотала им плечо раненого мальчика в форме ополченца. Тот всё повторял, что ему семнадцать и мать не разрешала идти на войну. Каталин ответила, что матери почти всегда оказываются умнее императоров, но сыновья понимают это слишком поздно.

Когда Илона увидела отцовскую карету, страх вдруг исчез. Остались только расстояние и препятствия. Она перелезла через сломанное колесо, оттолкнула человека, пытавшегося вырвать у мёртвого сапоги, и не заметила, как порезала ладонь. Позже она будет помнить этот путь лучше многих счастливых дней: белую морду погибшей лошади, серебряную пуговицу в грязи, запах горелого дерева и крик птицы, каким-то чудом продолжавшей петь над полем.

Леопольд, спешившись, прежде всего посмотрел на линию горизонта. Он оценил расстояние до французов, направление ветра, состояние дороги. Лишь потом позволил себе увидеть девушку и умирающего мужчину. Эта последовательность раздражила бы Илону в мирное время. Здесь она спасла им жизнь. Он приказал двум гусарам прикрыть карету, отдал раненому свою флягу и только после этого спросил её имя.

Роза раскрылась не от случайного движения. На внутренней стороне лепестка находилась маленькая пружина, которую Адам успел нажать большим пальцем. Илона спрятала украшение за корсажем. Леопольд заметил жест, но ничего не сказал. Их первое молчаливое соглашение родилось раньше доверия: он не потребовал ключ, она не спросила, почему при имени её отца на его лице появилась ненависть.

Пороховой дым лежал над равниной Рааба так низко, что Илоне казалось: небо упало на землю и теперь душит людей вместе с лошадьми. В серой мгле звенели сабли, рвались зарядные ящики, кричали раненые. Пыль скрипела на зубах. Подол её дорожного платья был разорван до колен, одна туфля осталась где-то у разбитой повозки, но Илона продолжала идти, спотыкаясь о ранцы и тела.

Утром отец велел ей ждать в монастырском обозе. Она ждала, пока не увидела, как его карета свернула к полю боя, туда, где венгерское дворянское ополчение уже отступало под ударами французов. Тогда Илона забрала у возницы запасную лошадь и поехала следом.

Теперь лошадь лежала в канаве, а отец находился где-то впереди.

– Графиня! – голос Каталин едва пробился сквозь грохот. – Да стойте же вы, безумная!

Илона обернулась. Её служанка пробиравась через дым, прижимая к груди перевязь и маленький дорожный пистолет. Каталин была без чепца, с распущенной чёрной косой и кровью на щеке.

– Это не моя кровь, – объявила она, заметив взгляд хозяйки. – И не спрашивайте, чья. Если сейчас остановимся разбираться, владелец сам нам расскажет с того света.

Они нашли карету у обгоревшей ивы. Передняя ось была разбита, кучер лежал лицом вниз. Адам Варгаи сидел, прислонившись к колесу. Красный доломан потемнел от крови у плеча.

Илона упала рядом с ним.

– Отец.

Он открыл глаза. Сначала посмотрел на неё, потом на гранатовую брошь, приколотую к корсажу.

– Сними розу.

– Я найду лекаря.

– Сними её сейчас.

Пальцы не слушались. Застёжка зацепилась за ткань, один из каменных лепестков оцарапал кожу. Когда брошь оказалась у него в ладони, Адам сжал её так сильно, будто в ней оставалась вся его жизнь.

– Они ищут ключ.

– Кто?

– Краус знает. Но Краус не главный. Бойся человека, который никогда не повышает голос. Илона наклонилась ближе.

– Назовите его.

Вместо ответа отец судорожно втянул воздух. За дымом послышался топот. На дорогу вылетели трое французских кирасир. Один заметил карету и повернул к ним.

Каталин подняла пистолет, но рука дрожала.

– Сударыня, я попаду разве что в Господа Бога, а он сегодня и без меня занят.

Кирасир приблизился. Илона заслонила отца собой.

Выстрел прозвучал почти одновременно с ударом сабли. Француз рухнул в пыль. Над ним на чёрном коне возник гусар в тёмном ментике. Шрам у правого виска делал его лицо суровее, чем оно было на самом деле.

– Вы ранены? – спросил он.

– Нет.

Он спешил и опустился рядом с Адамом. Старик увидел его и странно улыбнулся.

– Роттенбург...

Гусар вздрогнул.

– Вы знаете меня?

– Не верь... тихому...

Губы Адама ещё двигались, но новый пушечный удар поглотил слова. Рука его разжалась. Гранатовая роза упала в пыль.

Илона подняла её. Камни были тёплыми от отцовской ладони.

Гусар смотрел на брошь так, словно увидел призрака.

– Меня зовут Леопольд фон Роттенбург, – сказал он. – И двенадцать лет назад такую же розу нашли рядом с человеком, которого объявили убийцей моего отца.

– Мой отец никого не убивал.

– Я не сказал, что это был он.

На гребне показались новые всадники.

Леопольд поднял Адама, но сразу понял то, что Илона ещё отказывалась понимать. Он осторожно положил тело на землю и снял перчатку.

– Мы должны уходить.

– Я не оставлю его.

– Если останетесь, через минуту рядом будет ещё два тела.

Илона хотела возразить. Потом увидела французского офицера, который остановил коня в двадцати шагах и поднял пистолет.

Каталин вскрикнула. Леопольд рванул Илону к себе, закрывая её плечом.

И в это мгновение гранатовая роза раскрылась у неё в ладони. Один из лепестков откинулся, обнаружив крошечную замочную скважину.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ НАД ДУНАЕМ

ГЛАВА 1. ДОМ С ЧАСОВНЕЙ

Варгаи не были богаты уже много лет, но продолжали жить так, словно бедность являлась временной непогодой. Серебро начищали, хотя часть приборов давно заложили; в гостевых спальнях меняли бельё, хотя гости не приезжали; управляющий докладывал об урожае с тем же достоинством, с каким его дед докладывал о сотнях бочек вина. Илона одна видела, как уменьшаются запасы и растут суммы в книгах.

Она научилась считать вопреки отцу. Адам полагал, что дочери достаточно французского, музыки и умения вести дом. Мать тайком показывала ей торговые счета. Елизавета говорила: женщина, не понимающая денег, однажды обнаружит, что вместе с деньгами кто-то распорядился и её жизнью. После смерти матери Илона продолжила уроки сама, разбирая старые книги до тех пор, пока цифры не стали для неё таким же понятным языком, как венгерский.

Габор появился в доме подростком, сыном городского нотариуса. Адам оплатил его обучение, дал место секретаря и относился почти как к родственнику. Поэтому исчезновение страниц казалось особенно страшным. Чужой вор оставил бы следы. Габор знал, какие листы вырезать и как закрыть книгу, чтобы пропажу заметили не сразу.

В часовне Илона нашла на полу крупинку красного сургуча. Им не пользовались в доме: печать Варгаи ставили на зелёный. Красный применяла тайная канцелярия. Она спрятала крупинку в бумагу, не сказав отцу. Уже тогда между ними возникло новое молчание, и Илона с горечью поняла, как быстро тайна заставляет людей повторять поступки тех, кого они обвиняют.

Перед отъездом Адам вошёл в комнату дочери. Он хотел поцеловать её в лоб, как в детстве, но остановился. Илона сама шагнула к нему. На мгновение отец обнял её слишком крепко. Потом сказал только: «Не верь моим письмам, если в них не будет слова “виноград”». В поддельном приказе, который она получила в Вене, этого слова не оказалось.

До того дня дом Варгаи казался Илоне вечным. Он стоял среди виноградников на невысоком холме, сложенный из светлого камня, с крутой черепичной крышей и маленькой часовней, которую прадед пристроил после турецкой войны. Весной стены пахли сыростью и яблоневым цветом, осенью вином, зимой дымом из изразцовых печей.

В апреле 1809 года запах дома изменился. В нём появились сургуч, лекарственные настойки и бумага, которую слишком часто жгли.

Илона обнаружила долги случайно. Отец заболел, управляющий уехал в Шопрон, и ей пришлось самой проверять счета. В нижнем ящике письменного стола лежали расписки на восемьдесят тысяч гульденов. Через три недели барон Эберхард Краус получал право потребовать продажу земли.

За ужином Адам почти не ел. Он крошил хлеб и складывал кусочки в ровную линию. Илона знала эту привычку: отец делал так, когда уже принял решение и боялся сообщить его другим.

– Завтра ты поедешь в Вену, – сказал он.

Каталин перестала разливать суп.

– Одна?

– С Каталин и Габором.

– Зачем?

– Найдёшь барона Крауса. Он даст отсрочку.

Илона положила ложку.

– Вы называете его ростовщиком с тех пор, как я научилась понимать слова.

– Иногда приходится брать помощь у людей, которых не уважаешь.

– Что он потребует?

Адам посмотрел в сторону окна.

– Это будет обсуждать он.

– Со мной?

– С тобой.

В комнате стало тихо. Даже поленья в печи будто перестали потрескивать.

Каталин шумно поставила супницу.

– Простите, ваше сиятельство, но когда мужчина говорит девушке ехать к другому мужчине и не объясняет зачем, в приличной истории это заканчивается монастырём, убийством или свадьбой. Я против всех трёх.

Адам устало усмехнулся.

– Ты поедешь как служанка, Каталин, а не как греческий хор.

– Греческий хор, по крайней мере, заранее предупреждал о беде.

После ужина отец заперся в кабинете. Илона подождала четверть часа и вошла без стука.

Он держал над свечой письмо.

– Если хотите что-то скрыть, не жгите бумагу при открытом окне. Запах слышен в коридоре.

Адам бросил лист в камин.

– Ты слишком много замечаешь.

– Потому что вы слишком мало объясняете.

Она схватила щипцы и вытащила обугленный край. Отец попытался отнять, но закашлялся и вынужден был опереться о стол.

На уцелевшей полосе читалось: «...Краус получил подтверждение. Путь через владения Варгаи должен оставаться...»

Ниже стоял знак имперской канцелярии.

– Наши земли нужны для военных поставок?

– Наши земли нужны многим.

– А вам что нужно от меня?

Адам долго молчал.

– Чтобы ты пережила то, что начнётся.

В часовне скрипнула дверь.

Они бросились туда. Внутри никого не было. Перед образом Богородицы горела чужая свеча. Каменная розетка у алтаря была поцарапана, словно кто-то пытался повернуть её ножом.

Адам побледнел.

– Собирайся сегодня.

– Вы знаете, кто здесь был?

– Знаю, зачем он приходил.

– За розой?

Отец посмотрел на брошь у неё на груди.

– Никому её не отдавай.

– Вы только что велели мне ехать к человеку, который, вероятно, именно её и ищет.

– Краус ищет не розу. Он ищет то, что она открывает.

Илона подошла к алтарю. Розетка изображала тот же цветок, только каменный. В центре находилось едва заметное отверстие.

– Где ключ?

– У твоей матери.

– Она умерла двенадцать лет назад.

– Поэтому все считают ключ потерянным.

Снаружи послышался стук копыт. Габор вбежал в часовню, запыхавшийся, с грязью на сапогах.

– Из Шопрона прибыл пристав. Он требует описи имущества.

Адам закрыл глаза.

– Раньше срока.

– Кто-то выкупил долговые расписки, – сказал Габор. – Все сразу.

– Краус?

Секретарь отвёл взгляд.

Илона заметила этот взгляд. В тот момент она ещё не знала, что будет вспоминать его много лет.

Ночью Каталин собирала сундук, ворча на мужчин, войны и слишком тонкие венские туфли. Илона сидела у окна и наблюдала, как отец разговаривает во дворе с незнакомцем в тёмном плаще.

Человек ни разу не повысил голос.

Когда он уехал, Адам долго стоял под дождём.

Утром Илона нашла на его столе конверт. Внутри лежало предложение руки и сердца от барона Крауса.

* * *

ГЛАВА 2. ГУСАР НА ЧЁРНОМ КОНЕ

Нападение произошло у старой мельницы, где дорога сужалась между лесом и болотом. Настоящие военные выбрали бы место, позволяющее пропустить артиллерию. Лжереквизиторы перегородили путь так, что застряла бы даже почтовая коляска. Илона заметила ошибку, но слишком поздно: сзади уже появился четвёртый всадник.

Леопольд преследовал этих людей с рассвета. За неделю они ограбили два обоза, убили курьера и похитили пакет, предназначенный эрцгерцогу Карлу. Гусар не знал, что пакет связан с Варгаи. Он увидел лишь женщину, выходящую из кареты с таким выражением лица, словно трое вооружённых мужчин опоздали на встречу, назначенную ею самой.

После боя Каталин заставила всех нападавших разуться. Объяснила, что по подошвам можно узнать, где человек служил. У двоих в каблуках были вбитые медные гвозди французского образца, третий носил венгерские сапоги, четвёртый венские офицерские. Людей собирали из разных мест. Объединял их только жетон склада Крауса.

На почтовой станции Леопольд заказал для Илоны отдельную комнату, но она настояла на общем столе. Ей хотелось наблюдать за ним. Он не пил больше одного бокала, садился лицом к двери и каждый раз замолкал, когда входил незнакомец. Человек, привыкший ждать нападения, редко становится таким без причины.

Габор исчез на четверть часа якобы проверить колесо. Вернулся с мокрыми сапогами, хотя двор перед станцией был покрыт сухой соломой. Илона ничего не сказала. Ночью она нашла под окном следы и обрывок записки: «Роза у девушки. Роттенбург рядом». Почерк не принадлежал Габору, но бумага лежала в его дорожной папке.

Дорога на Вену была забита обозами. Пехота шла на запад, крестьяне гнали скот на восток, почтовые кареты спорили с артиллерией за каждый мост. Грязь доходила лошадям до щёток.

Илона ехала в закрытом экипаже, держа на коленях шкатулку с семейными бумагами. Габор сидел напротив и слишком часто выглядывал в окно.

– Вы ждёте кого-то? – спросила она.

– Проверяю дорогу.

– Дорога не исчезнет, если вы перестанете на неё смотреть.

Он улыбнулся, но пальцы продолжали теревить край перчатки.

У леса карету остановили трое мужчин в австрийских мундирах без полковых знаков.

– Реквизиция для армии, – объявил старший. – Лошади, оружие и дорожная касса.

Кучер начал спорить. Его ударили прикладом.

Каталин сунула руку под юбку, где носила нож.

– Не сейчас, – прошептала Илона.

Она открыла дверцу.

– Покажите приказ.

– Приказ здесь я.

– Тогда у императорской армии стало хуже с грамматикой, чем я слышала.

Мужчина схватил её за запястье.

Первого нападавшего сбил с ног чёрный жеребец. Всадник не кричал и не размахивал саблём. Действовал коротко, почти холодно. Через минуту двое лежали в грязи, третий бежал между деревьями.

Гусар спешился.

– Вы всегда выходите навстречу вооружённым людям?

– Только когда они плохо подделывают военную форму.

– Это было неразумно.

- Вы спасли меня не для того, чтобы получить право читать наставления.
- Он посмотрел на неё с неожиданным весельем.
- Леопольд фон Роттенбург.
- Илона назвала себя. Его взгляд остановился на броши.
- Где вы её взяли?
- Она принадлежала моей матери.
- Он подошёл ближе. Слишком близко.
- Я видел такую же двенадцать лет назад.
- На ком?
- На человеке, которого нашли рядом с местом исчезновения моего отца.
- Габор уронил трость.
- Леопольд резко обернулся. Секретарь наклонился, пряча лицо.
- Вы знакомы? – спросила Илона.
- Нет, – ответили оба одновременно.
- Каталин фыркнула.
- Вот теперь я точно уверена, что знакомы.
- Один из разбойников застонал. Леопольд обыскал его и вынул медный жетон.
- На одной стороне была выбита буква «К», на другой номер склада.
- Контора Крауса, – сказал Габор слишком быстро.
- Откуда вы знаете? – спросил Леопольд.
- Я видел такие жетоны у поставщиков.
- Вы говорили, что никогда не имели дел с бароном.
- Габор побледнел.
- Из леса раздался выстрел. Пуля сорвала кору над головой Илоны. Леопольд рванул её к земле. Она почувствовала его руку на талии, тяжесть тела, запах мокрой шерсти и пороха.
- Лежите.
- Вы снова приказываете.
- Сейчас имею право.
- Он выстрелил в сторону деревьев. Кто-то вскрикнул.
- Когда опасность миновала, Илона обнаружила кровь на его ладони.
- Вас ранили.
- Царапина.
- Мужчины называют царапиной всё, что не успело их убить.
- Она перевязала руку полосой батиста. Леопольд следил за её пальцами.
- Ваш отец знает о розе?
- Знает больше, чем говорит.
- Тогда он в опасности.
- Почему?
- Потому что человек, носивший вторую брошь, был обвинён в государственной измене.
- А обвинение подписал Адам Варгаи.
- Илона отступила.
- Вы лжёте.
- Я храню копию документа.
- Покажите.
- В Вене.
- Он проводил их до почтовой станции. Перед отъездом задержал её руку.
- Не встречайтесь с Краусом одна.
- Я не просила совета.
- Это не совет.

– Тогда тем более не послушаюсь.

Леопольд улыбнулся.

– Я уже заметил.

Он уехал, но дважды обернулся. Илона заметила оба раза и оба раза сделала вид, что смотрит на дорогу.

Только вечером она обнаружила пропажу одного письма из шкатулки.

Габор поклялся, что не открывал её.

Илона почти поверила. Потом увидела на его пальце свежий след красного сургуча.

* * *

ГЛАВА 3. ВЕНА ЖДЁТ ПУШЕК

Краус не унаследовал богатство. Его отец переписывал документы в казённой палате и умер в долговой больнице. Эберхард начал с того же стола, за которым сидел отец, но быстро понял: власть принадлежит не тем, кто пишет распоряжения, а тем, кто знает, за какие распоряжения заплатят. Он говорил об этом без стыда, словно бедность оправдывала всё, что последовало.

Во время разговора Илона заметила на карте тонкие карандашные линии. Они соединяли склады Варгаи с Веной, Раабом и дорогой к Адриатике. Краус планировал не одну кампанию. Он строил сеть, которая оставалась прибыльной при любой победившей стороне. Война для него была не катастрофой, а рынком с быстро меняющимися ценами.

Терезия встретила Илону как равную и соперницу в одном поклоне. Она знала, что провинциальную девушку легко унизить не насмешкой, а безупречной любезностью. Однако Илона не стала состязаться в платьях и родословных. Она спросила, почему вдова дипломата так внимательно следит за торговцем. Терезия на мгновение потеряла плавность речи.

Меттерних услышал её перевод случайно. Венгерский посланник, полагая, что женщины рядом не понимают языка, назвал французского генерала «корсиканским лавочником». Илона перевела фразу мягче, избежав скандала. Дипломат понял и оценил не знание слов, а способность выбрать, какую часть правды произнести.

Под стёртыми строками письма отца оставалось несколько букв. Илона натёрла бумагу угольной пылью и увидела: «виноград». Значит, первый текст написал Адам, а затем кто-то удалил его и поместил сверху приказ. Отец действительно предупреждал её, но неизвестный не понял условного слова.

Вена делала вид, что война существует где-то за горами. На Грабене продавали духи и шёлк, у собора Святого Стефана спорили извозчики, в кофейнях обсуждали не поражения, а слухи о них.

Барон Эберхард Краус принял Илону в кабинете, где не было ни одной лишней вещи. Даже огонь в камине горел с деловой аккуратностью.

Он оказался моложе, чем она ожидала, и опаснее, чем представляла. Стройный, безукоризненно одетый, с почти бесцветными глазами. На левом запястье под манжетой виднелся старый ожог.

- Ваш отец задолжал мне значительную сумму.
- Я приехала просить отсрочку.
- Просить? Нет, графиня. Вы приехали предложить то, что стоит дороже денег.

Он развернул карту. Земли Варгаи лежали у дороги, по которой армия снабжала западную границу.

- Право управления на пять лет. Я погашаю долги, сохраняю вам дом.
- И получаете дорогу, склады, виноградники и людей, которые там живут.
- Вы умеете считать. Редкое качество.
- Для женщины?
- Для аристократа.

Он говорил спокойно, без угрозы. Именно поэтому каждое слово звучало как условие договора, уже подписанного кем-то другим.

- Я не соглашусь.
 - Ваш отец уже согласился.
- Краус положил на стол письмо.
Печать была настоящей. Почерк почти совпадал. Почти.
– Он никогда не пишет букву «В» сверху вниз.

На лице барона ничего не изменилось. Только рука легла на край карты.

– Вы наблюдательны.

– Вы не удивлены.

– В делах полезно допускать провал одного способа.

Илона поднялась.

– Каков второй?

– Брак.

Она ожидала услышать это и всё же почувствовала удар.

– Вы покупаете невест так же, как долговые расписки?

– Я предлагаю вам возможность сохранить имя.

– Моё имя существовало до вас.

– Но может не пережить лето.

Вечером Краус вывез её на придворный приём. По его словам, отказ не освобождал её от необходимости увидеть людей, которые решат судьбу Австрии.

В зале пахло воском, духами и горячим шоколадом. Оркестр играл бодрый контрданс. Илона заметила Леопольда у колонны.

Рядом с ним стояла белокурая женщина в бледно-голубом платье.

– Графиня Терезия фон Альденбург, – представил Краус. – Вдова дипломата и давняя знакомая Роттенбурга.

– Настолько давняя, что он перестал замечать мои недостатки, – сказала Терезия.

– Скорее научился их опасаться, – ответил Леопольд.

Он поклонился Илоне.

– Вы исчезли, не попрощавшись.

– Вы не просили остаться.

– Я не привык просить.

– Это заметно.

Терезия улыбнулась.

– Роттенбург редко просит. Обычно люди сами угадывают его желания.

Музыка началась. Леопольд пригласил Илону.

Он танцевал так же, как сражался: точно, уверенно, не оставляя партнёрше возможности забыть о его присутствии.

– Краус сделал предложение?

– Вы следите за моими брачными перспективами?

– Я слежу за человеком, который финансирует поставки обеим сторонам.

– Это обвинение?

– Предупреждение.

– Вы слишком любите предупреждать меня.

– Потому что вы слишком любите идти туда, где опасно.

– Возможно, опасность интереснее мужчин, уверенных, что имеют право распоряжаться женщинами.

Его пальцы сильнее сжали её руку.

– Вы ничего обо мне не знаете.

– Вы тоже. Но уже судите моего отца.

Оркестр умолк. Леопольд отпустил её слишком резко.

К ним подошёл высокий молодой дипломат с внимательными глазами. Клеменс фон Меттерних задал Илоне два вопроса на французском, затем неожиданно перешёл на венгерский. Она ответила.

– Вы выросли в двух языках? – спросил он.

– В трёх. Мать говорила со мной по-французски, отец по-венгерски, кредиторы предпочитают немецкий.

Меттерних рассмеялся.

– Барон Краус, вы нашли редкий инструмент.

– Графиня не инструмент, – сказал Леопольд.

– Все мы инструменты, граф. Разница лишь в том, понимаем ли, в чьих руках находимся.

Ночью прибыл курьер. В письме отца было две строки: «Возвращайся. Соглашайся на предложение Крауса».

Илона провела пальцем по печати.

Под текстом почти незаметно проступал другой след, будто письмо писали поверх стёртых слов.

Она поднесла лист к свече.

Сквозь бумагу проявилось: «Не верь человеку, который принесёт это письмо».

* * *

ГЛАВА 4. КОГДА ПАДАЮТ ВОРОТА

Оккупация началась не с пушек, а с ключей. Французские квартирмейстеры требовали ключи от домов, складов и конюшен. Венские чиновники выдавали новые пропуска, прежние печати переставали действовать, а слуги учились отвечать на другом языке. Илона увидела, как власть меняется за один день, хотя стены и улицы остаются прежними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.